

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ –
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ
И ЛЮБВИ:

Любовно-исторические:

● ● ●

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

● ● ●

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Неоконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**

● ● ●

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

**Сериал
«Агент сысской полиции»:**

● ● ●

Агент сысской полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

НЕБО
НА ДВОИХ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Небо на двоих : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-219808-3

Жизнь редактора глянцевого журнала Ольги Богдановой рухнула — любимый муж Юра бросил ее ради смазливой секретарши! Она уже подумывала наложить на себя руки, когда подруга Любава уговорила Олю уехать в горы и там, в медвежьем углу, забыть о прошлом и найти силы жить дальше. Так Ольга попала в совсем другой мир — завораживающей красоты и настоящих мужчин. Владелец турбазы Вадим был с ней холодно-язвителен, но Оля и не планировала заводить новый роман. А вскоре она узнала: ее обвиняют... в убийстве мужа! Надо срочно вернуться домой и разобраться, что там произошло, но как это сделать без денег и документов — все пропало во время горного обвала!..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-219808-3

© Мельникова И., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От меня ушел муж. Бросил ради молоденькой секретарши. Согласитесь, ситуация — банальнее некуда. Совсем как в заурядном чиклите — чтиве современных барышень. Сотни женских романов начинаются с подобного печального события, которое вдребезги разбивает сердце героини. Я никогда не читала женские романы. Мне таких историй хватало на работе. Коллектив журнала, в котором я тружусь, в большинстве своем женский, поэтому хочешь не хочешь, а порой всякого наслушаешься, так что собственная жизнь кажется обложенной в розовую, с перламутровыми блестками рамку.

Вернее, мне это казалось раньше. А иногда я даже злилась, что моя жизнь течет размеренно, без потрясений и скандалов. И временами нарочно провоцировала своего дорогого на ссору, на что он мило улыбался и спрашивал: «Чего злишься? Котлеты подгорели? Так давай в кафе махнем. Посидим, винца выпьем, потанцуем...» Злость моя тут же улетучивалась. Я мигом собиралась, и мы направлялись куда-нибудь подальше от дома.

В общем, поссориться как следует нам не удавалось. Целых пятнадцать лет! И все же муж бросил меня. Ушел к девице, которой едва исполни-

лось двадцать. Ушел, как уходят мужья, — неожиданно.

Если быть точной, я сама проворонила тот момент, когда нужно хватать мужей за жабры. Когда они на распутье, в раздумьях, сомнениях. Умный мужик, он, как собака, все понимает, только высказаться вовремя не умеет. И порой налаженный быт, верная жена, с которой можно поговорить о чем угодно и, главное, кому удобно поплакаться на печальные обстоятельства, частенько перевешивают на весах упругие прелести длинноногого создания, чьи мечты горизонты не рвут и дальше модных бутиков не распространяются.

Шеф-редактор в популярном женском журнале — это вам не фунт леденцов в ярких фантиках. Частенько я брала работу на дом, и меня радовало, что Юра, не мешая мне и не отвлекая, валялся вечерами на диване, смотрел спортивные передачи. Иногда он жаловался то на боли в спине, то на тяжесть в желудке, а в последнее время — на одышку... Эти жалобы, несомненно, успокаивают жен. И преступно расслабляют.

А расслабляться, повторяю, ни в коем случае нельзя, если дело касается мужчин, которым уже под пятьдесят и чьи желания выглядеть и чувствовать себя тридцатилетними, естественно, не совпадают с возможностями. Я же расслабилась и пропустила момент, когда муж вдруг заинтересовался своим гардеробом, купил новый одеколон и обильно обливался им каждое утро, точно водой из ведра, как Порфирий Иванов. Затем супруг поменял прическу и стал рассуждать перед зеркалом о цвете галстуков.

Еще Юра стал отключать дома мобильник, чего раньше никогда не делал. И вообще трясся над своим сотовым, как курица над цыпленком — как

бы лиса не утащила или хореk. То и дело вскрикивал, когда терял его из виду: «Где мой телефо-о-он?» А от вопросов: «Зачем он тебе, если ты его отключил?» — немедленно краснел.

Но сначала он начал проводить на работе большую часть времени, словно породнился с сослуживцами и они стали для него дороже самого близкого человека. И ужинать дома прекратил, правда, от завтраков не отказывался. Видно, учел мои наставления, что негоже отправляться на работу с пустым желудком, и плотно насыщался тем, что я готовила, вставая на час раньше, когда Юра еще нежился в постели.

Вечерние лежания на диване, разумеется, тоже закончились. Супруг прибывал домой в лучшем случае ближе к полуночи, торопливо бежал в душ, мылся и ложился в кровать. Причем спал, повернувшись ко мне спиной, на левом боку, хотя я не раз предупреждала, что делать так не следует. Поутру же наше общение заканчивалось одной, произнесенной на бегу фразой: «Я тебе позвоню». Но не звонил. И на работу за мной перестал заезжать. Совместные ужины в кафе тоже как-то сами собой отпали. Но фразу эту почему-то упорно произносил — привычка, что ли?

Я же, как последняя дура, продолжала спокойно созерцать сии перемены. Даже объяснение им придумала: во всем виноват кризис. Мой Юра, управляющий одного очень нехилого банка, ударно финансовым катаклизмам противодействует, отсюда и задержки на работе, интенсивный труд в выходные и даже новый имидж — все-все ради процветания родного предприятия, увеличения его активов и чего-то там еще, в чем я слабо разбиралась.

Так продолжалось, наверное, месяца два. Занятость мужа никак не сказалась на моем настрое-

нии. Я активно трудилась на шеф-редакторской ниве: пахала, окучивала, боролась с сорняками и даже собирала неплохой урожай. Другими словами, отвечала за все, или почти за все: писала статьи, придумывала рекламные акции и от конкурентов отбивалась. Работы было много, о ней я думала постоянно: и перед сном, и по дороге в редакцию, и даже в магазине, куда забегала за продуктами. Тем более рекламодателей поубавилось, расходы заметно возросли, один из дизайнеров неожиданно запил, а второй вот-вот грозился уйти на летнюю сессию...

Словом, забот у меня хватало, и я не собиралась перекладывать их на чужие плечи, потому что любила эти заботы, а если жаловалась, то исключительно подружке Любаве. И то в ответ на Любавины стоны, что работа ее съедает, личная жизнь не имеет просветов, а шансов что-то изменить — ноль целых и ноль десятых.

Подружке я сочувствовала, но не слишком, потому что знала: Любава на самом деле тоже помещана на работе, а на личной жизни после четвертого по счету замужества временно поставила крест. Очередной муж не вписался в график ее работы тренером по фитнесу и занятиями этнической музыкой. Вернее, не выдержал Любавиных упражнений в горловом пении и шаманских танцев с бубном в руках.

Меня не удивляли странные увлечения подруги. Еще в школе Любава выделялась из массы одноклассников экстравагантными нарядами и прическами, гоняла на стареньком «Харлее», что едва не стоило ей золотой медали. Двадцать лет назад учителя не жаловали броских и нахальных выпускниц, являющихся к тому же натуральными блондинками. Впрочем, сейчас тоже не жалуют.

Об этом я сужу по письмам, которыми забрасывают наш журнал пострадавшие от произвола педагогов девицы. Правда, я на стороне учителей, поэтому... Да потому, что повзрослела. А с Любовью мы выросли и умнели вместе. Она всегда была верной подругой, искренней и честной. Я же обычно выступала в роли жилетки, куда Любава могла время от времени поплакаться, зная, что ее секреты не станут достоянием общественности...

Юра тем временем купил клубную карту в престижный спортивный центр, где богатые мужики старались привести в порядок дряблые мышцы, и даже стал по утрам качать пресс. Карту я нашла на полу прихожей — видно, выпала из кармана мужа.

— С чего вдруг? — поразилась я. — Мог бы и меня пригласить!

— Так я тебя приглашал, а ты отмахнулась. — Юра смотрел на меня невинными голубыми глазами. — Даже головы не повернула от компьютера.

Мне хотелось сказать, что приглашают более настойчиво, а не бросают мимоходом фразу, которую после вспомнить невозможно, но промолчала, хотя в первый раз не поверила Юре. Я прекрасно слышала, когда ко мне обращались, в любых условиях — работа к тому приучила. Даже если бы вокруг рвались снаряды, трещали пулеметы и взрывались фугасы, предложение вместе заниматься в спортзале я встретила бы с восторгом.

Но Юра быстро усыпил мои подозрения — поцеловал меня в щеку и смущенно улыбнулся:

— Хочу войти в форму, — похлопал он себя по заметному животу. — Ты ведь не любишь рыхлых мужиков?

Вот тогда Любава и спросила меня осторожно

во время очередных наших обеденных посиделок в кофейне:

— А ты уверена, что такие жертвы — ради тебя?

— Ну, почему же ради меня? — удивилась я. — Ради собственного здоровья. Сейчас модно выглядеть стройным и подтянутым.

— Что ж он раньше к этому не стремился? — допытывалась Любава. — Может, появились веские причины? На твоём месте я бы не дремала. Просмотри его телефон, карманы...

— Ещё чего не хватало! — Меня передернуло от отвращения. — Я Юре доверяю.

— Смотри, скоро его на романтику пробьет... — Любава потянулась за сигаретой. — Он должен мелодрамы полюбить. Или там кошечек. Или творчество певицы Алсу. Ничего подобного не замечала?

Замечала. И у меня похолодело в груди. Месяц назад Юра ни с того ни с сего пристрастился к караоке. Я вернулась домой чуть раньше, тихонько открыла дверь — и замерла от неожиданности на пороге. Юра стоял посреди гостиной в трусах и носках и орал в микрофон: «Ты-ы-ы-ы! Теперь я знаю — ты на свете есть...»

Я не убеждена, что увлечение караоке так уж романтично. Но Любава заронила семена сомнения, и я вдруг взглянула на ситуацию с другой стороны. Тем более что у мужа неожиданно прорезался голос. Нет, не певческий талант, конечно, хотя супруг частенько теперь пел караоке.

А ещё начались придирки. И в минуты злости голос у Юры был даже противнее, чем при исполнении сладеньких шлягеров. Все, что бы я ни сделала, ему категорически перестало нравиться.

Он нудил, брюзжал, ворчал и доводил меня до того, что я в ответ тоже начинала говорить ему гадости.